

**ЕЛЕНА
ПОНОМАРЕВА**

ГРЯЗНЫЕ ВОЙНЫ БУРЖУИНОВ

АНДРЕЙ ФУРСОВ РЕКОМЕНДУЕТ!

Игры мировых элит

Елена Пономарева

Грязные войны буржуинов

«Книжный мир»

2015

Пономарева Е. Г.

Грязные войны буржуинов / Е. Г. Пономарева — «Книжный мир», 2015 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0754-4

Книга, которую вы держите в руках, увидела свет в годовщину начала украинского кризиса. Он стал апофеозом очередной демонизации России, начало которой положили крымские события. Сегодня мы переживаем момент, переломный не только для нашей страны, но и для мировой системы в целом, – рушится созданный Западом после уничтожения Советского Союза однополярный мир, под его обломками гибнут сотни тысяч людей, а русский мир в очередной раз сталкивается с угрозой его существованию. Борьба с этой угрозой – это борьба за наше будущее, а следовательно, за настоящее и прошлое. Одно из главных условий победы в этой борьбе – знание не только об опасностях и угрозах, но и о замыслах (тайных и явных) главного противника и нашей страны, и всего русского мира – североатлантических правящих верхушек, об используемых ими технологиях и методах разрушения Большой Системы «Россия». В книгу вошли работы автора, рассматривающие такие актуальные вопросы, как техника и технология власти, организация Западом кризисов, конфликтов, политических переворотов, механизмы уничтожения суверенных государств и другие острые проблемы современной мировой политики.

ISBN 978-5-8041-0754-4

© Пономарева Е. Г., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Сорвать завесу мрака (вместо предисловия)	6
У лабиринта «тайного» знания запада, или Эдвард Саид[1]	8
Прекратить украинский «массаракш»[3]	11
Государство в условиях глобализации[4]	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Пономарева

Грязные войны буржуинов

*Моим родителям, знающим о большой политике не из книг,
посвящается*

© Е.Г. Пономарева, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

Сорвать завесу мрака (вместо предисловия)

Календарный XX век закончился почти 15 лет назад. Однако «коварство истории» (Гегель) заключается, в частности, в том, что она снова и снова наказывает за невыученные уроки, ценой новых жертв и разрушений заставляет исправлять допущенные ошибки. Главным призом в непрекращающейся ни на один день, ни на один миг битве за Историю, за власть и ресурсы, где бы ни находились отдельные поля ее военных, информационных и метафизических сражений, была и остается наша страна – эдакий геополитический золотой ключ к мировому господству.

Разрушение СССР и биполярной системы приблизило наших противников к заветной мечте, которую советский разведчик Л.В. Шебаршин выразил предельно четко: «От России Западу нужно только одно – чтобы ее не было», но цель все же не была достигнута. Тогда были задействованы технологии так называемого «управляемого хаоса», ставшие детонатором многих латентных конфликтов и приведшие к серии политических переворотов на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке, в Северной Африке. Тщательно срежиссированный на Западе современный украинский кризис – это самый мощный после разрушения СССР и войн в Югославии удар по России, по русскому миру.

Более ста лет назад – в 1912 г. – выдающийся русский геополитик А.Е. Вандам (Едрийин), описывая стратегическое положение и перспективы развития России, дал исчерпывающую характеристику нашему главному противнику – англосаксам. Наша планета, писал офицер и ученый, «является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного игрока, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии? Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих».

И увидели: в огнях и пожарищах двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней наших соотечественников, в уничтожении и разворовывании советского наследия, в продолжающихся конфликтах на евразийском пространстве.

Здесь можно вспомнить слова знаменитого британского разведчика Т.Э. Лоуренса (Аравийского). Описывая участие Британии в событиях на Ближнем Востоке в начале XX в., он выразился предельно откровенно. «Руки у нас постоянно были в крови, и нам дано было право на это. Мы ранили и убивали людей, едва ли испытывая угрызения совести, – столь недолговечна, столь уязвима была наша собственная жизнь. Скорбная реальность такого существования предопределяла безжалостность возмездия. Мы жили одним днем и принимали смерть, не задумываясь о завтрашнем. Когда появились причина и желание карать, мы вписывали в историю свои уроки орудийными залпами или же просто вырезали непокорных, попавших нам под руку».

С момента написания «Семи столпов мудрости» в 1922 г. ничто не изменилось в политике англосаксов, руки которых по-прежнему «постоянно в крови». Более того, политика властвования стала более изощренной и изуверской.

Книга, которую вы держите в руках, выходит в годовщину начала украинского кризиса, ставшего апофеозом очередной демонизации России, начало которой положила Крымская война. В то же время мы переживаем момент, переломный не только для нашей страны, но и для мировой системы в целом – рушится созданный Западом после уничтожения Советского Союза американоцентричный мир, под его обломками гибнут сотни тысяч людей, и перед нами вновь встает опасность великой битвы – битвы за наше прошлое и наше будущее, за бытие-

в-истории. Одно из главных условий победы в этой битве – знание не только об опасностях и угрозах, но о замыслах (тайных и явных) главного противника не только нашей страны, но всего православного мира – англосаксонской элиты, о технологиях и методах разрушения системы под названием «Россия».

Статьи, рассматривающие наиболее острые проблемы современности – техники и технологии властвования, механизмы уничтожения суверенных государств, кризисы, конфликты, политические перевороты – расположены не тематически, а в том порядке, в котором они выходили в свет, т. е. хронологически. Большинство материалов впервые были опубликованы на сайте Фонда стратегической культуры, одного из серьезнейших аналитических изданий в России. Есть в книге и материалы из академических изданий – это «Геополитический журнал», «Обозреватель», «Свободная мысль».

В заключение еще раз вспомним А.Е. Вандама. Какой бы искусной и жестокой не была политика англосаксов, нам всегда следует помнить, что «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют равных себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, **правильно понимаемых** интересов – у нас не будет причин опасаться наших соседей... Посмотрите пристально и вы увидите уже надвигающийся на нас новый период Истории».

Грядет новый период Истории. Обязательным условием его прихода и разрушения, перефразируем Дж. Толкиена, «завесы мрака, встающей над миром», является беспощадное знание о самих себе, о своих реальных и потенциальных противниках. Надеюсь, эта книга поможет приблизить нашу победу – сорвать завесу мрака.

У лабиринта «тайного» знания запада, или Эдвард Саид¹

В 2008 году исполнилось 30 лет с момента выхода в свет книги Эдварда вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (*Said E. Orientalism. L., 1978*). Однако не только эта юбилейная дата заставляет вновь обратиться к творчеству выдающегося палестинца. Происходящее в разных частях мира, будь то Ирак, Сомали или Косово, представляется совсем по иному, я бы даже сказала, вскрывается скорлупа, скрывающая сущность, благодаря парадигме «ориентализма». Но, как и тридцать лет назад она остается, к сожалению, не востребовавшей ни наукой, ни, тем более, политической практикой. Наступательная агрессивность, как бы сказал А.А. Зиновьев, западнизма в последние годы поражает и заставляет искать объяснения этому «феномену». Концепция же «ориентализма» позволяет проникнуть в лабиринты тайного знания Запада. Однако сначала несколько слов о самом Саиде, этом необычном человеке и ученом.

Эдвард вади Саид был арабом, христианином, специалистом по английской литературе, получившим западное образование, преподававшим и жившим на Западе. Многогранность и разносторонность его личности, конечно же, создали благоприятные условия для понимания различных культур, для персонификации и даже личностной интериоризации диалога между исламом и христианством, арабским Востоком и англосаксонским Западом. Но в то же время – за всё надо платить – эти качества постоянно создавали Саиду проблемы, он часто оказывался чужим для многих, и не случайно мемуары Саида называются «*Outofplace*», что можно перевести как «Без своего места» или более вольно – «выбитый из колеи». И, действительно, этот незаурядный человек – интеллектуал, ученый, литературный и музыкальный критик, пианист – был чужим для мусульман (он – христианин!), для европейцев (он – араб!), для востоковедов (он – специалист по английской литературе!).

Саид родился 1 ноября 1935 г. в Иерусалиме (квартал Тальбийе) в богатой арабской христианской (причем, весьма консервативной) семье. С 1943 г. семья жила в Каире (отец Эдварда руководил каирским филиалом *The Palestinian Education Company* — торговля книгами, бумагой, канцтоварами). В 1951 г. Саид отправился в США, где учился в Принстоне, Гарварде, Колумбийском университете. Если с научной карьерой Саида было все в порядке, то повседневность преподносила его семье неприятные сюрпризы. Г.А. Насер национализировал семейный бизнес Саидов, и они перебрались в Ливан.

С июня 1967 г., когда Израиль присоединил западную часть Иерусалима, Саид ощущает себя палестинским беженцем. Тем не менее, он осуждал антиеврейский террор, постоянно писал о том, что евреи и арабы должны жить вместе, в одном государстве, выступал против наиболее жестких формулировок Палестинской хартии. При этом он постоянно критиковал политику США на Ближнем Востоке за ее высокомерие и в результате оказался под перекрестным огнем критики: и не свой и не чужой.

До самой смерти в 2003 г. Саид активно работал. Трудно сказать, что было главным в его многогранной деятельности – политическая борьба, наука или искусство. Ясно одно: своей книгой «Ориентализм» он вошел и в историю науки, и в политическую практику взаимоотношений ислама и Запада.

Сразу отмечу, что «Ориентализм» Саида был не единственной книгой о проблеме взаимопонимания Востока и Запада. В том же 1978 г. были опубликованы «Марксизм и конец

¹ Впервые опубликовано: Фонд стратегической культуры. Электронное издание. 19 марта 2008.

ориентализма» Б. Тернера (*Turner B. Marxism and the End of Orientalism*) и «Наука и сварадж²» Дж. П.С. Оберуа (*Oberoi J.P.S. Science and Swaraj*). То есть работа Саида не была неким изолированным феноменом, однако именно она заняла центральное место в исследованиях, главную идею которых можно сформулировать так: выявление политических корней и источников европейского обществоведческого дискурса и одновременно его пределов в понимании иных, чем европейская, культур.

Если переплавить рассуждения Саида в чистую логику, то главный вывод работы заключается в следующем: западный ориентализм был создан *не для понимания цивилизаций Востока, а для понимающего контроля*. Самое время осознать, что понимание в рамках этой дисциплины нужно было и закладывалось настолько, насколько это необходимо для того, чтобы представители одной цивилизации контролировали представителей других цивилизаций в своих экономических и политических интересах. Как не вспомнить в связи с этим еще одного выдающегося мыслителя – француза М. Фуко. В работе «Надзирать и наказывать», анализируя «микрофизику власти», он подчеркивал особую важность того, что: а) власть производит знание; б) власть и знание непосредственно предполагают друг друга; в) нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти.

Таким образом, «ориентализм» – это и корпус текстов, и стиль мышления, и корпоративный институт, и средство господства (А. Грамши называл это «культурной гегемонией»), и политическая доктрина об отношениях Востока и Запада. Кроме того, как подчеркивал Саид, европейская культура, особенно в Новое время, набирала силу и формировала свою идентичность, противопоставляя себя Востоку, который выступал как «образ Другого».

Саид считал, что «ориентализм» порожден определенными политическими силами и процессами, а потому «успехи, достигнутые “наукой”, подобной ориентализму в его академической форме, меньше соответствуют объективной истине, чем нам зачастую хотелось бы думать». А зачем она, эта истина? В свое время еще М. Лютер учил: «Дух Истины болезнетворен... Ибо истина не лестна». Да к тому же, как пел В. Высоцкий: «Разницы нет никакой между Правдой и Ложью, – если, конечно, и ту, и другую раздеть».

Действительно, о какой истине можно говорить, если в «ориентализме» Восток был представлен как статичный, неспособный к самостоятельному развитию. То есть собственно восточная динамика была представлена как статика лишь потому, что она *незападная*, а собственно восточный тип развития был представлен как отсутствие развития, поскольку он не соответствовал западным представлениям о развитии, о линейном прогрессе. Так (текст за текстом) вырабатывалась ориенталистская мифология – миф о Востоке, в создании которого, помимо ученых, активное участие принимали европейские писатели, поэты, путешественники. Последние, посещая страны Востока, обращали внимание только на экзотику и искали то, что подтверждает стереотипы (восточная лень, восточный деспотизм, восточная чувственность и т. п.). В свою очередь эти стереотипы – по закону обратной связи – укрепляли научные схемы. Из научного дискурса ориентализм превращался в систему непререкаемых истин и поэтому, писал Э. Саид, полемически перегибая палку, «справедливо будет сказать, что каждый европеец, высказываясь о Востоке, неизбежно проявлял себя как расист, империалист и почти этноцентрист».

Значительную роль в формировании ориентализма и навязывании его жителям Востока в качестве средства их самопознания сыграл тот факт, что административными языками колоний были английский и французский, т. е. само познание афро-азиатов развивалось не на их родных, а на чужих языках. Стоит согласиться с И. Бродским: «...память одной цивилизации не может, и, наверное, не должна, стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспро-

² «Свое правление» (*хинди*).

известии отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий». Изучение одной цивилизации на языке другой (причем эта другая – западная) воспроизводит все тот же тавтологичный европоцентристский подход, который в познании друг друга демонстрирует катастрофичные результаты.

Как любая новая парадигма «ориентализм» Саида не лишен противоречий, на которые, кстати, обратили внимание критики, причем, что интересно, не западные, а арабские. Дело в том, что, по Саиду, европейский *ориентализм как форма негативного отношения к Востоку* начал развиваться уже в древности, его вехи – Гомер, Эсхил, Еврипид, позднее – Данте. В то же время он акцентирует значение колониальных интересов как фактора развития ориентализма. Возникает вопрос: ориентализм всегда был равен самому себе или все же то, что подвергает критике Саид, действительно возникло в XIX в.? В последнем случае неправомерно переносить черты новоевропейского ориентализма на античные и средневековые штудии Востока.

Поскольку Саид подчеркивает сквозной исторический характер враждебного отношения Запада к Востоку (при этом у него в Запад попадают три разные исторические структуры, три эпохи европейского ряда развития – Античность, Средневековье, Новое время), то ориентализм оказывается скорее чем-то постоянным, статичным. Получается, что в своем исследовании Саид подходит к ориентализму с тех же позиций, за которые критикует западных ориенталистов в их подходе к Востоку – как к чему-то статичному. Кроме того, нельзя не согласиться с теми критиками Саида, которые пишут, что он, упрекая Запад в создании образа враждебного Востока, сам создает образ враждебного Востоку Запада с гомеровских времен.

Все это лишний раз свидетельствует о сложности процессов открытия и открытости знания. Любую проблему в отношениях и подходах важно суметь «увидеть», а чтобы увидеть нужно незашоренное сознание, которое позволит посмотреть на мир через другую, иную парадигму.

В общем, «ориентализм» – очень сложная по композиции и происхождению конструкция, а работа Саида ставит намного больше вопросов, чем дает ответов. Главное, что она заставляет думать и проникать в суть причинности происходящего в современном мире. «Ориентализм» – это хороший повод для дискуссии, для того, чтобы, оттолкнувшись от Саида, двинуться дальше. Тем более что проблема западоцентризма в анализе социально-исторических явлений остро стоит не только в изучении Ближнего Востока, но также и в изучении других регионов и стран Востока (Индия, Китай, Япония), с одной стороны, и ряда очевидно незападных обществ, прежде всего, Балкан и России. По сути это проблема соответствия современного обществоведения, возникшего как научное и идеологическое отражение развития Запада на его буржуазной стадии, задачам исследования небуржуазных и незападных обществ.

Ответ на этот вопрос, имеющий огромное значение для понимания происходящего, в свою очередь, предполагает ответ на многие другие вопросы. Например, подъем Запада – это случайность или закономерность? Если случайность, то каким был бы Восток, если бы Запад не завоевал его? Если закономерность, то – что лежит в ее основе? В чем принципиальная разница отношений к реальности между Западом и Не-Западом?

Известный социолог С. Амин, в частности, уже дал шуточный ответ на последний вопрос в своей книге – «Восток и Запад: поиск Египтом национальной идентичности» (*Amin S. Orientand Occident: an Egyptian Quest for National Identity*). Три человека состязались в опыте и умении. Найдя скелет льва, они стали обсуждать, что нужно и можно с ним сделать. Первый сказал: «Я знаю, как сложить кости вместе». Второй ответил: «Я знаю, как нарастить на него кожу и мясо». Третий оказался самым амбициозным и заявил: «Я могу оживить его». Он оживил льва, и оживший лев съел всех троих.

Третий, пишет С. Амин, – это Запад.

Прекратить украинский «массаракш»³

То, что очередную, на этот раз европейскую газовую войну «незалежный» Ющенко начал не по собственному разумению и не исключительно в силу генетической русофобии, должен знать каждый думающий человек. То, что украинский политический класс не является самостоятельным субъектом – это очевидный факт, и вопрос: «на чьем поле и за чьи деньги он играет?» – уже давно является риторическим. Сегодня важно другое. Выход из ситуации, которая может быть названа только одним словом – «национальная катастрофа», компрадорская команда Ющенко видит в двух плоскостях. Во-первых, это «перезагрузка» собственного населения в духе создания нации-государства, причем в самой жесткой его форме и самыми варварскими – ультранационалистическими – способами. Во-вторых, использование стратегии «управляемого хаоса», суть которой заключается в известном американском принципе: «чтобы мы жили благополучно, надо весь мир сделать неблагополучным».

Конечно, идеологи мондиализма прекрасно понимают, что Украина – не Америка, поэтому и предложили разыграть карту поменьше – европейскую. Война экономическая, начатая Киевом и поддержанная Европой, самым тесным образом связана с информационно-политической (достаточно посмотреть заголовки ведущих СМИ и новостные передачи таких всемирных сетей, как BBC и CNN), ведется против России. «Мир наизнанку» или «массаракш» по-украински означает, что вор не только не «должен сидеть в тюрьме», а становится высоко нравственным субъектом, т. е. восстанавливает справедливость. Но не справедливо ведь, что пророческими оказались слова о приращении России Сибирью и Дальним Востоком! Не справедливо, что не Украина, а Россия владеет уникальными природными ресурсами! А для таких организаций как Украинская национальная самооборона (УНСО) и Украинская национальная ассамблея (УНА) – зарегистрированных министерством юстиции Украины как единая политическая организация под общим названием УНА-УНСО – идущих в фарватере президентской команды, несправедливость принадлежности газа и нефти только России просто не обсуждается. Своей целью УНСО объявляет повсеместную борьбу с русским «империализмом» – от Прибалтики до Дальнего Востока («Зеленого Клина») – и создание – не удивляйтесь – Украинской империи. Большая Украина, по мнению руководителей этой неонацистской организации, должна включить в себя все земли бывшего СССР, где украинцы составляли большинство населения: части России, Белоруссии, Казахстана. При декларации такой стратегии становится понятным, почему члены УНА-УНСО участвовали в 1994 г. в военных действиях в Чечне на стороне Дудаева, украинские наемники сбивали русские самолеты с грузинской территории в ходе пятидневной войны в Южной Осетии, а политическое руководство страны дает указания на отбор транзитного газа, не испытывая при этом никаких неудобств.

* * *

Фантастика зачастую лучше отражает реальную картину мира. В экранизированном Ф.С. Бондарчуком романе братьев Стругацких «Обитаемый остров» (кстати, фильм снимался в Украине) жители планеты Саракш, на которую, попал главный герой Максим Каммерер, в острых случаях ругались словом «Массаракш!». «Массаракш», в силу звучности, стало излюбленным светским ругательством еще в советское время. При этом позабылся исходный смысл предложенного Стругацкими неологизма.

³ Впервые опубликовано: Фонд стратегической культуры. Электронное издание. 14 января 2009.

Дело в том, что «массаракш» изначально означало «мир наизнанку». Причем, с одной стороны, это ругательство означало некую высшую степень чепухи, невероятия: мир – не может быть вывернут наизнанку. С другой – планета Саракш обладала причудливыми атмосферными характеристиками, в результате которых наблюдателю казалось, что он живет не на выпуклой, а на вогнутой поверхности, не на внешней, а на внутренней поверхности шара. Кроме того, правители планеты – «Неизвестные Отцы» – при помощи технических средств (вышки-излучатели и тотальный контроль) так воздействовали на сознание населения, что оно воспринимало свое существование на вогнутой стороне как данность. В результате получилось уникальное явление: «массаракш» – нечто невообразимое, предел чепухи и бреда, в буквальном смысле означало лишь представление о жизни на поверхности шара. То есть – для подавляющего большинства – объективную правду.

История убедительно показывает, что внутренняя сила навязанных общественному мнению штампов и шаблонов может пересиливать реальность. Все мы знаем, что может случиться с мостом, если по нему пойдет в ногу рота солдат. Однако, похоже, мы не задумываемся над тем, что будет, если «идти в ногу» по информационным и образовательным сетям. А произойти может то же самое, что и с мостом: катастрофа, информогенная катастрофа. Опасность усугубляется тем, что нет командира, готового вовремя отдать приказ идти «не в ногу», т. е. нет силы, способной разрушить единый информационный прессинг, создать альтернативные коммуникации. «Скованные одной цепью, связанные одной целью» (И.В. Кормильцев) западные и ангажированные с ними украинские СМИ под чутким руководством разного ранга закрытых структур успешно выворачивают мир наизнанку. Р. Саланта, бывший президент CBS News, даже не скрывает этого: «Наша работа заключается в том, чтобы дать людям не то, что они хотят, а то, что мы считаем для них необходимым». «Массаракш», о котором еще в 1969 г. писали Стругацкие, налицо.

«Массаракш» по-украински означает не только дезинформацию своих граждан, лишение их российских источников информации, но и выворачивание истории наизнанку. Война против русского языка и культуры, правда, под руководством весьма «Известных Отцов», начиная от Р. Мердока и заканчивая Ющенко, ведется с 1991 года. Но беда не приходит одна. Фактически мы являемся свидетелями и даже соучастниками уничтожения нашей культуры, истории, памяти предков. Мы, как пишет Д. Юрьев, в своей «инерции глупости, сытости, трусости и лени пытаемся не дать себе вновь увидеть открытыми глазами, что война есть война, и что на нас напали. Напали очень серьезные, бескомпромиссные враги. А мы, победив в середине века одних таких же, бросили все силы победителей на то, чтобы укрыться одеялом с головой, только бы вновь не приснился кошмарный сон...».

Мы не хотим признать, что наступление на Россию начинается с уничтожения русской культуры в Украине, Прибалтике и странах Центральной Азии, как надругательство над Сербией начиналось с уничтожения и изгнания краинских сербов из Хорватии, с бомбардировок боснийских сербов и принятия Дейтонских соглашений, пересмотр которых приведет в скором будущем к созданию унитарного мусульманского государства Боснии и Герцеговины, с превращения Косово в криминальное новообразование под присмотром НАТО... Однако вернемся к Украине. Приведу лишь некоторые факты из новейшей истории этой страны.

В условиях политического кризиса 2007 г. произошла резкая интенсификация украинизаторских усилий в культурной и языковой сферах: через три года все высшее образование в Украине планируется перевести на украинский язык; уже вступил в силу закон об обязательном дублировании на украинский всех прокатных копий зарубежных фильмов и закон, запрещающий вещание русскоязычных каналов. Ющенко при каждом удобном случае заявляет об информационной угрозе со стороны русскоязычных СМИ. Хорошо, что он еще не обращается к своим гражданам на английском языке, как это делает его подельник Саакашвили.

Один из важнейших вопросов современной украинской политики – это природа идентичности, точнее – идентичностей населения юга и востока страны, а также украинский национализм. Сразу стоит оговориться, что под особой восточно-украинской идентичностью понимается объединение и тех, кто считает себя украинцами по крови, но говорят по-русски, и тех, кто идентифицирует себя как русские – таких, по данным переписи 2001 г., 17,3 % или 8,3 млн. чел. Данные последней переписи выявляют страшные тенденции: по сравнению с 1989 г. удельный вес русских сократился более чем на 3 млн. чел. или на 6,6 %. Бывший президент Украины Л. Кучма в своей книге «Украина – не Россия» резко критикует ученых и экспертов, называющих происходящее в Украине «геноцидом русских», объясняя этот процесс следующим образом: «Одни русские уехали, другие – их, конечно, подавляющее большинство среди «исчезнувших» миллионов – просто вернули себе «украинское первородство». А кто-то из русских (по зеркальному примеру иных украинцев 1989 г.!) записал себя в украинцы». При этом Кучма умышленно не вспоминает о том, что именно в годы его президентства была развернута широкая кампания по искоренению фактов применения русского языка в учреждениях Украины, а также по преследованию должностных лиц, допускаявших в этой сфере нарушения.

Но то, что было при Кучме, можно рассматривать как прелюдию к западноукраинскому гуманитарному экспансионизму. За годы «незалежности» Украины мы, казалось, привыкли к размаху необузданной фантазии галичан и волянян. Однако меня глубоко поразила новая пиар-кампания, развернутая в общественном транспорте Львова. Контролеры автобусов, трамваев и троллейбусов несколько потускневшего за годы самостийности украинского Пьемонта раздают пассажирам листовки с душераздирающей историей. Дело в том, что Б. Сташинский, выстреливший в «национального героя Украины», лидера ОУН-УПА С. Бандеру ампулой с ядом, оказывается, начал свою черную деятельность с того, что... не заплатил за проезд. За что был препровожден в участок, где его и завербовали «лубяньские изуверы». Из этой истории авторы листовки делают вывод: каждый, кто не платит за проезд, есть потенциальный агент российских спецслужб и, возможно даже, будущий ликвидатор настоящих патриотов! В том, что настоящие укропатриоты регулярно платят за проезд – сомнений быть не может. Это же вам не российский газ – его можно безнаказанно воровать и потреблять бесплатно, вспоминая все те «мучения», которые пережила Украина под игом москалей – превратилась в самую индустриально развитую республику СССР, наконец-то обрела государственность, получила индивидуальное членство в ООН, была существенно расширена территориально за счет исконно русских земель и т. п. Как можно оценить подобные пиар-кампании, не срываясь на ненормативную лексику? Массаракш!

Кстати, о ненормативной лексике. В Украине повсеместно распространяются листовки, унижающие национальное достоинство русских. Однако самой мерзкой мне показалась следующая (написание полностью сохранено). Главный слоган: «Пам'ятай! Матюки перетворюють тебе в москаля» – уточняется таким пассажем: «..В рАссєі матом не ругаються... На ньом там разгАварівають». Все это дополняет ужасно омерзительная, беззубая рожа взлохмаченного, противно ослабившегося, спившегося мужика. Вот вам и образ России...

Весной 2007 г., т. е. как раз накануне нового обострения политического кризиса, вызванного роспуском Верховной рады и связанного с ним нового витка интенсификации национализаторской политики, украинский Центр им. Разумкова провел развернутое исследование. Социологи выделили следующие группы:

> «русские», т. е. граждане Украины, русские по национальности, для которых родным языком является русский и которые относят себя к российской культурной традиции и используют русский язык в повседневном общении;

> «украинцы» – граждане Украины, украинцы по национальности, для которых родным языком является украинский, относящие себя к украинской культурной традиции и использующие украинский язык в повседневном общении;

> «русскоязычные украинцы», т. е. считающие себя украинцами по национальности;
> «двуязычные украинцы» – с украинской национальностью и украинским языком как родным;

> «двуязычные украинокультурные украинцы», т. е. декларирующие украинскую национальность, украинский язык как родной, принадлежность к украинской культурной традиции.

На вопрос, считают ли себя респонденты патриотами Украины, три последние категории, т. е. люди с украинской этнической идентичностью, но пользующиеся русским языком в повседневности, отвечали практически одинаково. Уверенное «да» – от 37 до 42 %, «скорее да» – от 41 до 45 %, «скорее нет» – от 11 до 6 %, уверенное «нет» – 3 % или меньше. Затруднились ответить – 6–7%. Положительные ответы в этой группе в сумме (80 % и более) почти равны сумме положительных ответов «украинцев», с той разницей, что в этой группе уверенное «да» составляет 59 %, а «скорее да» – 30 %.

Совсем иначе выглядели ответы «русских». Уверенное «да» давали 20,4 %, «скорее да» – 29 %, т. е. менее половины считали себя патриотами Украины. 14 % русских открыто декларировали, что не считают себя патриотами Украины, 27 % давали ответ «скорее нет», еще 9 % уклонились от ответа.

Еще резче выявляются оценки в ожиданиях развития языковой и культурной ситуации. Лишь 4 % русских согласны с тем, что украинский язык должен быть единственным государственным языком Украины, 13 % удовлетворились бы тем, чтобы русский был официальным языком в некоторых регионах, а 70 % считают, что русский должен быть вторым государственным языком. Еще 10 % вообще считают, что русский должен быть единственным государственным языком страны.

Практически зеркальная ситуация в группе «украинцев», где 71 % настаивают на том, что украинский должен быть единственным государственным языком, лишь 6 % согласны предоставить русскому статус второго государственного языка, а 20 % – официального языка в некоторых регионах. Русскоязычные украинцы в этом вопросе оказываются довольно близки к русским – 49 % респондентов в этих группах выступают за два государственных языка. Однако среди тех русскоязычных украинцев, которые владеют украинским языком, лишь чуть более 20 % согласны предоставить русскому статус второго государственного языка.

В вопросе, какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем, лишь 6 % русских готовы смириться с безраздельным доминированием украинской культуры, 50 % считают, что в разных регионах будут преобладать разные традиции, и 24 % – что преобладать будет русская традиция. В группах, владеющих украинским языком, неизменно преобладают те, кто согласен с доминированием украинской культурной традиции, хотя лишь среди украинцев такие люди составляют абсолютное большинство (59 %).

Важно, что относительно определения украинской нации во всех группах наиболее популярным ответом был – «гражданская нация, включающая всех граждан Украины» (русские и русскоязычные украинцы – 43 и 42 %, остальные группы – по 35 %). Однако сумма остальных ответов, по-разному акцентирующих этнический характер нации, во всех группах украинцев больше, чем процент ответов, акцентирующих гражданский принцип.

В целом эти данные подтверждают, что русскоязычные украинцы хотели бы равноправного статуса для русского языка и культуры, но готовы смириться с политикой в духе нации-государства, в то время как русские решительно такую политику отвергают. Логично предположить, что в их среде за последний год выросли уровень дискомфорта и потенциал для политической мобилизации в ирредентистском духе. Главным провокатором таких настроений является сама политическая власть, которая активно проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры и языка. Особое внимание киевскими временщиками уделяется созданию новых мифов.

Одним из главных трофеев Второй мировой стала ее мифология. Как справедливо отмечает Д. Юрьев, в центре этой сильнейшей мифологии, «охватившей собой весь мир и породившей ни много ни мало – всеобъемлющую систему нового мироустройства», как и должно быть в мифологии – борьба добра со злом. А в данном случае – очень большого, очень мужественного добра с абсолютно чудовищным, дьявольским злом, злом совершенно дистиллированным и получившим свое предельное воплощение в ужасах нацизма.

Эта мифология позволила совершить невероятное. Она позволила создать Организацию Объединенных Наций, объединившую практически все существующие на земле нации (как известно сам термин «Объединенные нации» был изначально лишь самоназванием антигитлеровской коалиции). Она дала возможность предложить миру – накануне начала ядерного противостояния и раскола на враждебные системы – такой механизм учета всеобщих интересов, который сохранил свою действенность на протяжении пятидесяти с лишним лет (возможно, самый длительный срок существования мирового межгосударственного консорциума). А главное – мифология, порожденная Второй мировой войной, позволила человечеству сформулировать несколько общепризнанных запретов, запретов на превращение человеческого общества в вурдалачье стадо, запретов, позволяющих мировому сообществу время от времени переступать через взаимные противоречия и защищать «малых сих» где-нибудь в мире.

На современной Украине даже мифы Великой войны выворачиваются наизнанку – происходит героизация нацистских коллаборантов из числа местных националистов, гуманизация бандеровцев. Радикальный националист, убийца, который боролся любыми способами против власти, становится защитником украинцев от страшного «москаля»!

«Перезагрузка» населения, по мнению современных коллаборантов, должна пройти благодаря украинскому национализму как идейному комплексу. В этот комплекс входят: культ УПА, культ голодомора, курс на языковую украинизацию всей Украины, распространение нерусского исторического сознания и конфессиональной принадлежности, антикоммунизм и антисоветизм, конфликт с Россией, идентификация Украины как европейской страны и нации, стремление войти в НАТО и ЕС, либеральные реформы. Главная функция этого комплекса – сплотить украинскую нацию вокруг идеи выживания в ходе столкновения украинцев с государством, центром которого является Москва. Речь идет не просто о русофобии, источник смертельной угрозы украинцам трактуется гораздо шире – через русскую государственность.

В такой ситуации даже Ф.И. Тютчев вряд ли бы сказал: «А мы попробуем любовью». Надоело выслушивать, как поносят нашу историю хохлы, не помнящие родства! Надоело постоянно оправдываться за великие и тяжкие свершения! Надоело постоянно идти на уступки и прощать ненависть, лицемерие и жадность! По истине, добро должно быть с кулаками. Мы должны прекратить этот украинский «массаракш»!

Государство в условиях глобализации⁴

Фундаментальные изменения, произошедшие в мировой политике с конца XX в., непосредственным образом связаны с ее главным актором – государством. Этот самый значимый и функциональный с середины XVII в. политический институт переживает на новом этапе развития мировой системы радикальную трансформацию. На всех континентах государства либо объединяются в более крупные союзы, даже некие прототипы империй (Европейский Союз), либо в череде межэтнических и политико-экономических противостояний распадаются (СССР, СФРЮ, Сербия и Черногория и этот процесс будет продолжаться). В независимости от процессов интеграции/дезинтеграции многие «классические» функции государства (защита своей территории, формирование правового поля, экономическое планирование, социальные гарантии и др.) передаются наднациональным структурам (ООН, НАТО, МВФ, ВТО, ТНК и др.).

Неопределенность путей развития мировой системы «от собрания отдельных, территориально целостных, суверенных, юридически равных государств к иным, более иерархичным и во многих отношениях более сложным структурам» (М. ван Кревельд) при сохранении, тем не менее, в обозримом будущем за государством роли основного актора мировой политики закономерно порождает активные дискуссии о переосмыслении роли и значимости государства, концепции государственного суверенитета, принципов международного права, о субсидиарности функций государства и наднациональных структур, о роли и значении внешнего управления.

В условиях глобализации проблема нужности/ненужности государства серьезно актуализируется. В то же время научно-аналитический контекст изучения государства как актора мировой политики, отягощен принципиально неустранимыми обстоятельствами. Д.М. Фельдман среди важнейших называет «громадную идеологическую нагруженность темы и неизбежные локально-политические помехи при верификации научных выводов, сделанных относительно роли и места данного государства, данного типа государств или даже всех государств в мировой политике».

Таким образом, современное состояние государства как исторически *подвижной* сущности в чрезвычайно *подвижном* мире, мире глобализации, требует постоянного внимания исследователей и практиков. Вооружившись известным девизом капитана Немо: «*Mobilis in mobile!*», предлагаю на суд читателей некоторые «идеологически нагруженные» рассуждения относительно роли государства в условиях глобализации.

Мир-системный анализ природы государства

В теории капиталистической мир-экономики (современной мировой системы) И. Валлерстайна государству отводится важнейшая, а в чем-то даже решающая роль. В первом томе своего фундаментального трехтомного исследования «Современная мир-система» (*Wallerstein I. The Modern World-System*) Валлерстайн целую главу – «Абсолютная монархия и государственность (*statism*)» посвятил роли государства в возникновении и оформлении экономики.

По мнению основателя мир-системного анализа (МСА) вопрос о том, что было следствием, а что причиной – возникновение капиталистической мир-экономики или возникновение государства (*state*) и государственности (*statism*) как особого явления с такими его институтами как бюрократия и армия, не стоит. Валлерстайну не очень нравится термин

⁴ Впервые опубликовано: Свободная мысль. М., 2009. № 10. С. 69–82.

«абсолютизм», поскольку он уводит от сути дела, концентрируя внимание на персоне, короле. Согласно его позиции, транснациональная – мировая экономическая система (капитализм) требовала создания сильных государственных машин в борьбе за лучшие позиции в структуре разделения труда в этой системе. Различные по силе «машины» обеспечивали различное положение, определяя, в свою очередь, различия в классовых структурах – и наоборот. Именно *сила государства* определяла, *что* будет ядром, а *что* – периферией мир-системы. При этом экономическая организация системы носила мировой характер, а политическая – национальный. Именно борьба государств за гегемонию в капиталистической мир-экономике была одной из движущих сил ее развития. Т. е., по Валлерстайну, возникновение капитализма, мирового рынка и государства – единый процесс, в котором государство играет роль автономной переменной (особенно автономна эта роль на полупериферии капсистемы). Таким образом, *государство невозможно*, по мнению ученого, *вне мировой системы накопления капитала*.

Другой мир-системник, Дж. Арриги в книге «Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени» подчеркивает тот факт, что государство в капсистеме возникло и развивалось не изолированно, а как элемент международной системы государств. В 1648 г. этот комплекс превратился в новую систему мирового правления – Вестфальскую.

Само развитие капсистемы Арриги рассматривает как единство циклов накопления капитала и характерных для каждого цикла гегемоний – генуэзско-иберийский (XV – начало XVII вв.), голландский (конец XVI – третья четверть XVIII в.), британский (вторая половина XVIII – начало XX вв.) и американский (с конца XIX в.). Анализируя диалектику капитализма и территориализма (контроля над пространством), Арриги следующим образом характеризует циклы накопления капитала и адекватные им государственные структуры.

Характерной чертой каждого нового цикла накопления (и основой новой гегемонии государства, определяющего цикл) было, согласно Арриги, то что (и как) государство осуществляло интернализацию определенного вида издержек (т. е. превращение их во внутреннее дело).

Так, будучи более крупной и сложной организацией, чем Генуэзская республика, Голландия могла обойтись без «покупки защиты» у внешних сил – интернализация оборонных издержек. Великобритания – нация-государство, торговая и территориальная империя – смогла интернализировать следующий вид издержек – производственных. США – континентальный промышленный комплекс – интернализировали еще и транзакционные издержки, т. е. подчинили себе рынки.

Видно, что каждая новая гегемония требовала от государства большей политико-экономической сложности, которая отражала сложность нового цикла накопления и в то же время определяла его. Таким образом, Арриги развивает принципиальный тезис мир-системников о том, что развитие капиталистической мир-экономики (в виде смены циклов накопления) и государственно-политического развития (гегемонии) суть стороны одного процесса. В МСА важным и эвристически полезным представляется именно методологический подход, акцентирующий единство, тесную связь между циклами накопления, формами экономической организации, с одной стороны, и развитием государства как политической организации, с другой. В конвенциональных экономической и политической науках два эти процесса нередко исследуют как изолированные.

Наиболее важный для нас вывод мир-системников о роли государства прост: *только относительно сильное государство имеет теоретические шансы на изменение своего положения в мировой системе*. А если эта система исходно конструируется так, чтобы принципиально ослабить государства полупериферии и периферии и, если нужно, уменьшить их при этом в размере? Здесь мы подходим к проблеме «государство в условиях глобализации».

Валлерстайн, Арриги, другие представители МСА основное внимание обращают на долгосрочное развитие капитала и государства в XVI – XX вв. в целом. В их работах мы не найдем специального исследования государства в эпоху глобализации. В связи с этим следует рассмот-

реть некоторые подходы, в которых феномен государства представлен в контексте глобализации.

Новая реальность – новые подходы

На рубеже XX – XXI вв. появились исследования, в центре которых метаморфозы государства в последние десятилетия. Авторы этих работ предлагают новые подходы, концепции и даже термины для анализа государства и государственности эпохи глобализации. Так, в своей концепции современного государства Ф. Боббитт (*Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History*) анализирует его возникновение и эволюцию с XVI в. и до наших дней. Появление такого института как государство Боббитт объясняет необходимостью создать такой конституционный порядок, который может организовать более эффективное ведение войны, чем порядок феодальный.

Боббитт – не единственный, кто акцентирует значение такого фактора, как война в возникновении и становлении государства в XV–XVII вв. Эту связь подчеркивают Б. Даунинг, А. Зольберг, М. ван Кревельд, Дж. Моделски, Ч. Тилли и др., которые в отличие от Боббитта в разной степени фиксируют связь между воздействием военных факторов на формирование нового феномена, название которому придумал Макиавелли – *lostato*, и определенными социальными (классовыми) интересами.

Согласно Боббитту, государство проходит длительную эволюцию: княжеское и королевское (конец XV в. – середина XVII в.), территориальное (середина XVII в. – конец XVIII в.), государство-нация (конец XVIII в. – начало XX в.) и нация-государство (XX в.). На смену нации-государству идет рынок-государство (*market-state*) или рыночное государство. В рынке-государстве главной экономической ареной является рынок (*market-place*), вытесняющий в этой функции фабрику. «В эпоху наций-государств, – пишет Ф. Боббитт, – государство брало на себя ответственность за благосостояние групп. В рынке-государстве государство несет ответственность за максимальное увеличение возможностей, доступных индивиду. Это означает снижение транзакционных издержек выбора, который делает индивид, что означает ограничение, а не усиление правительств». По мнению ученого, главная задача рынка-государства (РГ) – обеспечение функционирования глобального рынка. Боббитт непосредственно связывает появление рынка-государства с глобализацией, говоря о «глобальном обществе рынков-государств».

Рынок-государство Боббитта весьма напоминает регион-государство/регион-экономику К. Омаэ (*Ohmae K. The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies*). Регион-экономика (РЭ), который в политическом смысле конструирует регион-государство, у Омаэ, как и РГ Боббитта, во-первых, определяется сугубо рыночными факторами; во-вторых, тесно связан с глобализацией, конституируя базовую единицу организации глобальной системы. Омаэ определяет РЭ как «естественную деловую единицу глобальной информационной экономики». И совершенно неважно, находится ли РЭ внутри того или иного государства (Гонконг – Южный Китай, Каталония и др.), или представляет собой тесно связанную комбинацию регионов двух и более наций-государств (Северная Италия – Баден-Вюртенбург, Пинанг – Медан – Пхукет, Сингапур – Джохор – острова Риау и др.), главное, что его определяет – это наличие таких размеров и масштаба, которые позволят «выполнить функции истинных и естественных деловых единиц глобальной экономики».

РГ решает региональные проблемы путем использования глобальных ресурсов и в большей степени связан с другими РГ, чем со своей страной. Функционирование РГ определяется сугубо экономическими, а не политическими, тем более, социальными или историко-культурными императивами. РГ – это единица спроса и потребления, и не более того. Поэтому и численность населения должна быть соответствующей: не более 20 млн., иначе не будет обеспе-

чено единство граждан как потребителей, но и не менее пяти млн., чтобы обеспечить экономию за счет услуг, особенно тех, которые важны для эффективного участия в глобальном управлении. Решение локальных проблем путем использования глобальных ресурсов, обращенность в сторону глобальной, а не национальной государственной системы, принципиально отличает РГ от мегасити типа Калькутты или Мехико. Последние суть точки, узлы, прежде всего, в национальной сети, а РГ – в глобальной.

Боббитт и Омаэ приветствуют смену нации-государства новым типом государственности, явно идеализируя его. Так, Боббитт пишет о бесклассовом характере рынка-государства, чему явно противоречит реальность неолиберальной глобализации с резко возрастающим уровнем социальной поляризации и обострением классовой борьбы в различных формах и чему ярким подтверждением является ситуация на пост-югославском пространстве. Омаэ подчеркивает, что регион-государства – это очаги (сеть) процветания, по сравнению с окружающим их миром, но не ставит вопрос: какой ценой по отношению к окружающему миру достигается это процветание. По сути, речь идет о вполне неолиберальном перераспределении средств в пользу ТНК, глобального финансового капитала и госструктур – «пунктов» его прописки.

Государство в «кабаре глобализации»

В такой ситуации задача большинства государств – это, действительно, обеспечение гражданам наилучших возможностей сокращения транзакционных издержек, и ясно, что этими возможностями будет пользоваться меньшинство, т. е. наиболее сильные элементы глобальной системы, тогда как слабые районы и социальные группы, по сути, отсекаются от «общественного пирога» или, как отмечает З. Бауман (*Bauman Z. Globalization. The Human Condition*), исключаются из социальных процессов и новых каналов перемещения ресурсов, которые ранее контролировались нациями-государствами.

В связи с этим, Бауман и ряд других исследователей считает, что в условиях глобализации большинство государств либо отказывается от выполнения тех функций, которые ранее считались *raison d'être* (нации) – государства, либо не в состоянии их выполнять: например, обеспечение равновесия между производством и потреблением, т. е. политический контроль над экономикой. Государство превращается в экономического импотента, любая попытка которого вылечиться ведет к наказанию его мировым рынком, а точнее его гегемонами. Напротив, те государства, которые «обеспечивают возможности», как это формулирует Боббитт, которое (обеспечение) не может быть не силовым, поощряется. Результат – формирование одного из вариантов рынка-государства, оборотной стороной которого, другим ликом является репрессивный характер, подавление низших и средних слоев в интересах глобальных рынков капиталов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.